

Яна Летт

МИР ИЗ ПРОРЕХ

Иные земли

Мир из прорех

Яна Летт

Мир из прорех. Иные земли

«Альпина Диджитал»

2022

УДК 821.161.1-93
ББК 82(2рос=рус)6-44

Летт Я.

Мир из прорех. Иные земли / Я. Летт — «Альпина Диджитал»,
2022 — (Мир из прорех)

ISBN 978-5-96-147760-3

Артем и Ган оказываются по ту сторону прорехи – в мире, совсем непохожем на наш. В это время Кая с трудом выбирается из Красного города, охваченного паникой и почти погребенного под снегом. Равновесие между мирами нарушено, и никто не знает, сколько осталось времени, чтобы найти ключ к разгадке. Пока Кая с группой смельчаков отправляется на заброшенную станцию, Артем и Ган пускаются в опасное путешествие по иным землям, где каждый неверный шаг может привести в ловушку. Успеют ли они закрыть прорехи, пока не случится непоправимое? И главное: сумеют ли вернуться домой?

УДК 821.161.1-93
ББК 82(2рос=рус)6-44

ISBN 978-5-96-147760-3

© Летт Я., 2022
© Альпина Диджитал, 2022

Содержание

Краткое содержание второй части	6
Часть I. Враги и союзники	8
Глава 1. Артем	8
Глава 2. Кая	14
Глава 3. Артем	24
Глава 4. Кая	28
Глава 5. Артем	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Яна Летт

Мир из прорех. Иные земли

Редактор *Анастасия Маркелова*

Главный редактор *Л. Богомаз*

Руководитель проекта *А. Маркелова*

Корректоры *З. Скобелкина, Е. Аксенова*

Компьютерная верстка *О. Макаренко*

Дизайн макета *Ю. Буга*

Дизайн обложки и иллюстрации *Д. Труши*

© Яна Летт, 2022

© ООО «Альпина Паблицер», 2022

* * *

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

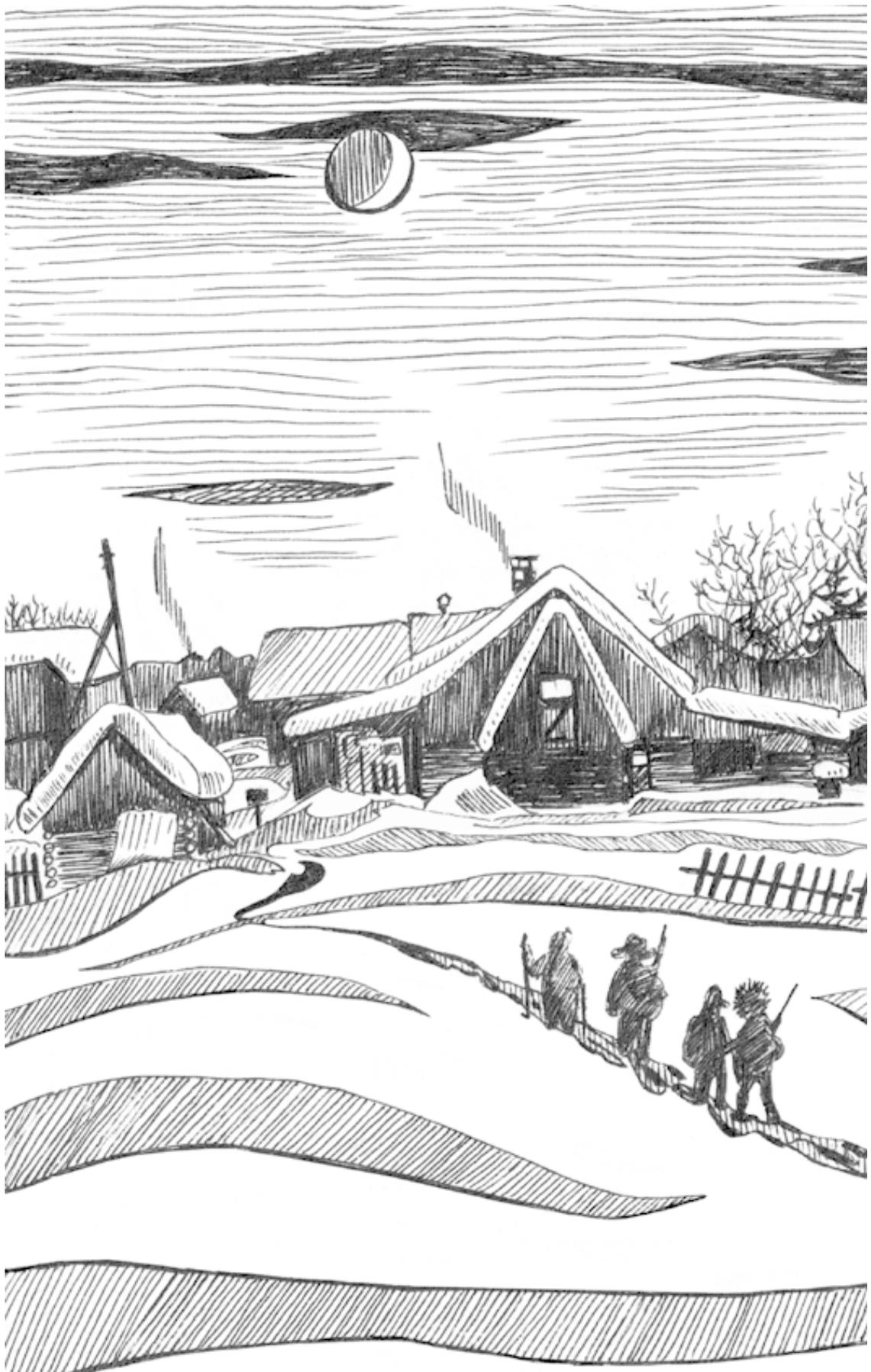
Краткое содержание второй части

В новой реальности электричество под запретом, потому что оно открывает двери существам из другого мира. Но бывшей Москве удалось сохранить прежнее величие. Сандр, новый правитель города, мечтающий возродить цивилизацию, построил большую лабораторию, где трудятся талантливые ученые.

Здесь находит себе работу и Артем, которому льстит благосклонность Сандра. Теперь у них с Каей есть крыша над головой и защита городских стен... Но порой эта безопасность кажется мнимой. Кая чувствует во всем происходящем какой-то подвох.

Одна против целого города, она пытается разобраться в том, что скрывают в себе темные подвалы лаборатории. Кая даже не подозревает, насколько близка к разгадке страшной тайны...

О начале путешествия Каи и Артема и последующих событиях вы можете узнать из книг **«Мир из прорех. Новые правила»** и **«Мир из прорех. Другой город»**.

Часть I. Враги и союзники

Глава 1. Артем

Некоторое время он двигался вдоль кромки леса, не удаляясь от моря, безо всякой цели, а потом остановился. Он сам не знал, что именно ожидал найти... В любом случае пока он не видел здесь ничего, кроме деревьев, воды и песка. Солнце все еще высоко светило в небе, но рано или поздно начнет темнеть, а у него не было ни воды, ни еды, ни убежища на ночь.

Еще хуже было то, что рука болела все сильнее. В первые минуты здесь он слишком отвлекся на то, что, возможно, стал первым человеком, попавшим на эту сторону... Но теперь волнение схлынуло – от него остался только озноб. Лоб горел. Артем подозревал, что у него жар. Судя по всему, что он знал об инфекции и заражении крови, это было очень и очень плохо. Необходимо очистить рану, продезинфицировать ее, принять лекарства, сбивающие температуру... Однако все, что было в его распоряжении, – морская вода. Артем не был уверен, стоит ли промывать свежую рану водой из открытого водоема... Но все же решил рискнуть – рассчитывать на чью-то помощь не приходилось.

Он вернулся к берегу. Непривычный запах, гнилой, рыбный, усилился. Вода накатывала на песок мягкими волнами, оставляющими на берегу рваные клочки пены. Артем зашел в воду по колено – дальше побоялся. Слишком угрожающе и непривычно шептало море. Мало ли какая нечисть таилась в глубине... Вряд ли она стала бы подбираться так близко к берегу, но проверять не хотелось. Артем оторвал полосу ткани от рубашки не без труда (только в книгах герои делали это одним элегантным движением) и хорошенько вымочил ее в воде. Он набрал воздуха в легкие, прежде чем приложить ткань к ране, и все равно зашипел от боли. Кое-как Артем промыл рану и замотал сухим куском ткани. Оставалось надеяться, что это поможет – хотя бы до тех пор, пока он не найдет местных, которых можно будет попросить о помощи. Что случится, если они окажутся недружелюбны, думать не хотелось.

Вдобавок ему была нужна пресная вода. Если идти вдоль берега, можно наткнуться на ручей или даже реку – ведь они должны впадать в море. Эта мысль немного обнадеживала.

Он медленно пошел вперед, стараясь держаться ближе к деревьям. Цвет его парадного камзола должен был сливаться с темным переплетением веток, и Артем прикинул, что так больше шансов остаться незамеченным, чем если идти рядом с морем – там он будет как на ладони. Он порылся в карманах. Красный камень – он завернул его в платок. Часы, подаренные Сандром. Они показывали одиннадцать – в Красном городе сейчас ночь. Показания стрелок явно не соотносились со временем здесь, на другой стороне, во всяком случае судя по теплоте оранжевому свету, заливавшему пляж. День клонился к закату – возможно, было около шести... Кроме часов и камня в карманах обнаружили: частая гребенка, катушка с тонкой проволокой, блокнот, карандаш. Пожалуй, катушка была наиболее ценным предметом из всех, вот только проволоки на ней оставалось совсем чуть-чуть – в лучшем случае метра два.

Ничего, что можно использовать в качестве оружия. Никакой емкости – даже если он найдет воду, ее не в чем будет вскипятить. И все же Артем решил начать с поисков воды – и зашагал навстречу солнцу.

Он внимательно смотрел себе под ноги – искал ручей или ямки в земле, наполненные водой: когда-то он читал, что на побережье встречаются такие и вода в них безопасна. Он посматривал и в сторону леса – то и дело ему чудились невнятные шорохи и шевеления в ветвях, и каждый раз он с замиранием сердца ждал, что, ломая ветки, перед ним появится Тень или Сандр – или кто-то из нечисти, которой, конечно, должно быть много в лесу... Все было тихо. Если бы не редкое птичье пение, Артем подумал бы, что этот мир вымер.

Рука болела. Когда по вине Тени он лишился пальца, было так же больно. Жалко, что сейчас у него нет при себе тех трав, что давала ему Мама Лита... Он остановился и с досадой хлопнул себя здоровой рукой по лбу. И как мысль о травах сразу не пришла ему в голову?.. Ведь он изучал здешние растения в оранжерее. Ночные бражники – вот что могло ему помочь. Мякоть их толстых глянцевитых листьев обладала болеутоляющими и жаропонижающими свойствами... Правда, прежде чем ее есть, листья следовало хорошенько проварить, чтобы вывести токсины, вызывающие галлюцинации.

Ночные бражники. Вода. Огонь. Убежище. Кто-нибудь. Он вяло прокручивал все это в голове, ступая по песку, который скрадывал звук шагов. Думать становилось труднее. Шум волн, который поначалу казался ему успокаивающим, теперь раздражал. Море будто гудело у него в голове – и вместе с ним накачивала и отступала боль в руке. Приливы и отливы – вот как это называлось в книгах. Приливы и отливы моря, приливы и отливы боли.

Он почти забыл, что ищет, когда заметил темно-лиловые листья у корней очень древнего с виду дерева, укутанного сероватым плющом.

Артем с трудом открыл несколько крупных листьев – черенки были жесткими, – свернул их трубочкой и убрал в карман.

Солнце опустилось ниже. Ему очень хотелось пить. Язык был сухим и шершавым, как комок бумаги.

К чему привело его решение? Что творится в Красном городе сейчас? Где Сандр и каким будет его следующий шаг? От таких мыслей был всего шаг до мыслей о Кае. Вдруг она тоже бредет сейчас вдоль темнеющей кромки леса, совсем одна? Быть может, она сейчас там, по другую сторону сплетения темно-зеленых и фиолетовых ветвей. Возможно, совсем близко.

Артем стиснул зубы. Он видел, как в прореху проваливаются Сандр, Тень, Ган. Кая стояла достаточно далеко. Она в Красном городе. Когда его затянуло в прореху, в подвале лаборатории была настоящая бойня. Сумела ли Кая уцелеть? И кто окажется у руля империи после того, как первый шок от исчезновения Сандра пройдет? Артем прекрасно знал: если не среди горожан, то среди гостей Сандра наверняка найдутся те, кто воспользуется всеобщей растерянностью в своих интересах.

– Не думай об этом, – пробормотал он, и собственный голос прозвучал незнакомо, как будто тоже стал частью этого пустого, странного мира.

Возможно, он никогда не вернется обратно.

Артем остановился как вкопанный. В ставшее привычным шипение морских волн вплелся новый звук... Журчание. Говорливое, живое. Это мог быть только ручей. Артем ускорил шаг. Надежда придала ему сил, и даже боль в руке как будто ослабла. Через десяток шагов он и вправду увидел мелкий ручей с прозрачной водой, который весело бежал по устью когда-то большой реки.

Он упал рядом с ручьем на колени ипил, пил, пил, пока язык не перестал царапать небо и десны. Никогда прежде он не пробовал такой вкусной воды – даже жар, кажется, начал отступать.

Теперь, когда жажда была утолена, можно было подумать о том, что делать дальше. Начинать темнеть.

Возможно, стоит попытаться развести огонь? Кая показывала ему, как добиться этого с помощью трения одной палочки о другую, и однажды у него даже получилось сделать это самостоятельно, правда, после пары часов попыток под ее насмешливые комментарии. Если получится и в этот раз, у него будут и огонь, и вода. Костер отгоняет ночных хищников.

А еще очень заметен во мраке. Артем несколько раз ополоснул лицо ледяной водой, надеясь, что это придаст ясность мыслям.

Жар стих, но Артем чувствовал, что он все еще живет в теле – притаился, как зверь, только и ждет возможности снова вонзить в него когти.

Нужно попытаться использовать бражники – и для этого огонь необходим. Артем вернулся к лесу, набрал сухого серого мха – пригодится и для костра, и для раны. Нашел несколько подходящих палочек, наломал сухих веток и вернулся с добычей к ручью. Устроившись на теплом песке, соорудил шалашик между двумя крупными камнями и принялся за дело.

Артем представлял себе, что Кая стоит рядом, командуя:

– Руки опусти... Да не так, Артем, ниже... Ниже! Вот, так хорошо. Быстрее три, или мы тут всю ночь на холоде просидим.

Он представлял себе ее недовольное лицо и язвительный голос так ярко, что в какой-то момент резко обернулся – ему почудилось движение за спиной, и на прекрасную долю секунды Артем поверил в то, что действительно увидит ее.

Разумеется, за спиной никого не было. Рука снова начала болеть, пот заливал глаза, и не раз и не два он был близок к тому, чтобы расплакаться от отчаянья... А потом меж его ладоней вдруг появился легкий призрачный дымок – так буднично, как будто таился там всегда, ожидая возможности родиться на свет. С появлением дымка у Артема открылось второе дыхание: он энергичнее задвигал ладонями, мысленно умоляя высшие силы помочь ему... И огонек занялся, неуверенно взбираясь по сухим тонким веточкам и лохмотьям мха.

Артем подкидывал и подкладывал в костер ветки, закрывал его от ветра, осторожно дул на пламя, пока оно наконец не заплясало веселей. Только убедившись, что костер окреп и больше не рискует погаснуть от любого порыва ветра, Артем позволил себе вздохнуть с облегчением. Теперь пришло время заняться раной.

Обложив костер камнями и подбросив веток, он спустился чуть ниже по течению ручья и копал песок, пока не дошел до более вязкого слоя. Он надеялся слепить из глины сосуд для листьев, но она оказалась недостаточно липкой и разваливалась у него в руках.

Выбрав лист бражника поменьше, Артем измельчил его как мог и облепил получившуюся кашичу глиной, скатав из нее шар размером с яблоко. Глина растекалась и плохо держала форму, и Артем осторожно положил шар в огонь, надеясь, что она схватится. Он понятия не имел, удастся ли таким способом вывести токсины из ночных бражников... Но это все равно лучше, чем жевать свежие листья.

Артем выкатил глиняный шар из костра, подцепив кончиком ветки. Он с тревогой отметил, что жар начинает возвращаться. Возможно, у него было не так много времени. Пришлось ждать, пока затвердевший шар немного остынет, чтобы разбить его о камень. Содержимое пахло не так, как положено было пахнуть проваренным ночным бражником, но зато цвет был правильным – насыщенно-лиловым, похожим на темную свеклу.

Артем колебался недолго. Опыт ученого подсказывал, что следовало бы испытать полученное «лекарство», но, увы, ему не на ком было экспериментировать, кроме себя самого.

Он осторожно зачерпнул немного кашицы из обломков глиняного шара, подул – пальцы обжигало – и отправил ее в рот. Кисловатая, совсем не такая гадкая, как он ожидал. Мгновенного эффекта не наступило, и на всякий случай он съел, давясь, почти горсть. Больше побоялся – если вывести токсины не удалось, передозировка может иметь не самые приятные последствия.

Ожидая, пока приготовленное лекарство подействует, Артем сходил к кромке леса и принес к костру еще мха и хвороста. У корней деревьев ему попались грибы: крепкие, ярко-желтого цвета, на темных ножках, и целые россыпи мелких ягод бледно-розового цвета – возможно, неспелых.

Есть хотелось – но не настолько, чтобы пробовать незнакомые ягоды и грибы. В оранжеее Красного города Артем таких точно не видел. Там росло лишь около пятидесяти видов растений с этой стороны. Возможно, многие из них не были приспособлены к условиям его родного мира.

У костра было тепло, его рана была перевязана, рядом находился источник чистой воды... Вопреки всему Артем почти успокоился. Ночные бражники подействуют, и он придумает, где раздобыть еду: черепахи зарывают яйца в песок, и можно соорудить удочку для рыбы – а потом...

Среди деревьев стоял человек.

Он был слишком далеко, и в сгущающейся темноте Артем не мог даже различить, мужчина это или женщина. Он лихорадочно думал, как быть, и тут пришелец скрылся из виду.

Артема била крупная дрожь, по шее скатилась одинокая капля пота. Он вдруг очень остро ощутил пустоту своих рук – и начал торопливо шарить вокруг, пока не нашел камень покрупнее. Крепко зажав его в кулаке, он почувствовал себя еще более беззащитным. Что, если из леса за ним наблюдает целый отряд людей? Возможно, стоило убраться от ручья, пока не поздно... Но поможет ли это, если его уже заметили?

Человек появился снова. На этот раз он шел прямо к Артему, спокойно, неторопливо, помахивая руками, как на прогулке.

Артем подобрался, крепче сжал камень, глубоко вдохнул... и различил лицо человека.

– Кая!.. – Голос сорвался, и Артему не с первого раза удалось подняться на ноги – голова кружилась, наверное, от счастья.

Это было эгоистично – но, похоже, он и впрямь до сих пор надеялся, что она тоже тут.

Девушка подошла ближе, и сомнений не осталось. Это она – рыжая коса небрежно перекинута через плечо, серые глаза насмешливо разглядывают его костерок и припасы, веснушчатый нос морщится, как будто она вот-вот улыбнется. Рукав куртки – в бурых пятнах. Сандр ранил и ее?

– Нет, – сказала Кая, будто прочитав его мысли. – Это просто ягоды.

– Кая, – тупо повторил он. Голова закружилась сильнее. – Местные ягоды... не стоило есть.

Она не отвечала – остановилась рядом с ним и покачалась с пятки на носок, хмурясь. Они молча смотрели друг на друга.

– Ну, – наконец сказала Кая, – что интересного ты читал в последнее время?

– Что? – Артем сделал неуверенный шаг к ней, и мир вокруг накренился: темные контуры деревьев у нее за спиной, береговая линия, невысокие волны, и сам он едва не съехал вниз.

Он попытался схватиться за нее, чтобы удержать, но, хотя Кая оставалась неподвижной, не сумел.

– Что происходит? Это землетрясение? Нам нужно... Нам нужно...

– Я прочитала «Божественную комедию», – заявила Кая. – В ней рассказано про место, которое называется Ад. Ты о нем слышал? Там пусто. Там никого нет.

Она рассеянно перебирала пальцами косу, и Артем вдруг вспомнил: Кая ее отрезала. Теперь у нее короткие волосы, неровно торчащие во все стороны. Ее роскошной косы больше нет нигде – только в его воспоминаниях... И видениях.

– Это ночные бражники, – объяснил он Кая, держась за валун, чтобы не упасть. – Но это не так страшно, как я думал. Главное, чтобы сняло жар.

Кая протянула руку, коснулась его лба. Он прильнул к ее ладони, но не почувствовал прикосновения.

– Я тебя больше не увижу? – прошептал Артем с болью, поразившей его самого. – Больше никогда, так?

Кая отвела взгляд в сторону. Пальцы, перебирающие косу, напряженно замерли. Взгляд серых глаз стал каким-то тусклым.

– Ладно, не отвечай. – Он упал на руки, и острые камни впились в ладони. – Даже лучше... Не отвечай. Скажи только одно, пожалуйста...

Костер с треском пожирал сухой мох и остатки кашицы из бражников. В небо поднимался удушливый густой дым.

– Только одно, – повторил Артем, задыхаясь. – Ты уцелела? Там, в Красном городе? Ты жива?

Кая еще некоторое время внимательно смотрела на него, а потом серые глаза мигнули и засияли, ожили:

– Да. Да, я жива.

Артем захлебнулся кашлем – дым попал в легкие, – а когда поднял голову, Кая уже не было рядом. Он не успел ощутить боль утраты, потому что у его костра появился новый гость.

– Ну здравствуй, – насмешливо произнес Сандр.

Он был одет так же, как на приеме, только вот вся одежда на нем была перемазана грязью и зеленью, как будто император Красного города продирался через кусты.

– Тебя тут нет, – хрипло сказал Артем. – Мне просто мерещится...

– Может быть, – пожал плечами Сандр. – А может, и нет. Лучше бы, конечно, чтобы мерещилось... Для тебя лучше, Артем.

Сандр придвинулся ближе, и Артем ощутил на лице тепло его дыхания... Слишком правдоподобно для галлюцинации. Он похолодел.

– Потому что я не прощаю предательства, – мягко, даже сочувственно продолжал Сандр. – Помнишь, что случилось с Мартой? Так вот это пустяк по сравнению с тем, что я сделаю с тобой... – Он покачал головой, грустно вздохнул: – Чем больше разочарование, тем суровее наказание, Артем. А ты сильно разочаровал меня... Очень сильно. Ты был полезен из-за камня. И Тени. Ты привел его ко мне... Но, помимо этого... ты правда нравился мне. Чем-то похож на меня самого – много лет назад. Одинокий. Амбициозный. Умный. Ты мог быть рядом со мной. Мог стать частью нового мира... Но вместо этого ты умрешь. И это будет больно... и долго.

– Тебе меня не напугать, – соврал Артем.

Сандр сочувственно улыбнулся:

– Я не хотел пугать тебя, Артем. Только предупредить. Фьюить.

Артем моргнул, и Сандр вдруг превратился в птицу – большую, размером с кошку, с черными крыльями и красным хохолком. Поймав его взгляд, птица моргнула:

– Фьюить!

Артем медленно протянул к птице руку. Она была красивой, очень красивой, но он вдруг вспомнил, что давно не ел... А рядом горел костер и вилось жадное, голодное пламя.

– Фьюить. – Вид у птицы стал настороженный.

Артем видел ее глаза совсем близко – желтые, цвета меда. В глазах дрожали язычки пламени, и он вспомнил сказку о птице по имени Феникс, которая умела сгорать и возрождаться из пепла. Возможно, если съесть чудесную птицу, у него тоже получится возродиться?

– Возродиться мне бы не помешало, – пробормотал он и не узнал собственного голоса.

Ему стало жутко. Птице, видимо, тоже – издав еще один протяжный крик, она, тяжело хлопая крыльями, оторвалась от песка. Медленно планируя, к ногам Артема упало большое глянцевиное перо.

– Красное, – прошептал он и вспомнил про Красный город, а потом про боль в руке. Рука не болела – в ней жило лишь воспоминание о боли. Артем не без труда нашел собственный лоб. Лоб был теплым.

– Побочные эффекты. – Голос все еще звучал странно.

Он плотно запахнул камзол и сел у костра, подбросил в него веток и порадовался, что запасся ими заранее.

– Главное, не уходи от костра. – Артем снова заговорил вслух, на сей раз для того, чтобы это прозвучало веселее для него самого.

Он запустил пальцы в теплый песок, прикрыл глаза.

Он не помнил, как долго сидел вот так, ощущая тепло песка и жар костра, вдыхая соленый запах моря и хвойный – леса. Голова продолжала кружиться: в темноте под веками распускались огненные цветы, один другого красивее, и казалось, что их лепестки раскрываются от морского гула...

Кажется, прошло не меньше получаса до момента, когда Артем решился все же приоткрыть глаза, медленно и осторожно, как будто поднимая занавес... И снова увидел человека, идущего к нему со стороны леса.

Этот человек двигался неуверенно, ссутулившись, боком, словно забыл, как ходить. Его плечи были сведены, голова опущена, как будто он боялся удара. Первым побуждением Артема было встать и пойти навстречу – человек выглядел так, словно нуждался в помощи, – но он стиснул зубы и остался у костра.

– Уходи, – прошептал Артем, отводя взгляд. – Хватит. Тебя здесь нет.

Но фигура на фоне темноты леса продолжала двигаться к нему. Артем снова сжал в кулаке камень и судорожно вздохнул. Возможно, на этот раз ему не мерещилось... и тогда придется защищать себя.

На костер упала длинная тень. Человек стоял покачиваясь, не глядя на Артема. Пустой, лихорадочный взгляд был устремлен только в огонь. Его лицо было в кровоподтеках и синяках, и струйки крови прочертили кривые дорожки по щекам и шее. Волосы слиплись и запачкались. Он едва стоял на ногах.

– Ган? – прошептал Артем, опуская камень.

Человек не ответил.

Глава 2. Кая

...Земля была твердой, и лопаты вгрызались в нее с сочным, веселым звуком, как будто копателям в радость была их жуткая работа. Кая тоже копала: ее оттеснили было в сторону – «это необязательно», – но она вернулась, снова взялась за лопату, и на этот раз никто не сказал ей ни слова.

Она отошла как можно дальше от остальных. Ей хотелось быть одной.

Нужно было выкопать глубокую яму, и работать пришлось куда дольше, чем она ожидала. Было прохладно, но пот заливал ей глаза, а кожа на ладонях горела. И хорошо, ей хотелось этой отрезвляющей боли, хотелось, чтобы на руках остались отметины. Пусть бы они не проходили потом никогда – потому что смерти в подвале лаборатории были и на ее руках.

Она все копала и копала, а потом пошел снег. Прозрачные звездочки опускались на твердые комья у края могилы и не таяли. Новые земляные брызги гасили их навсегда.

Кая почувствовала на себе взгляд. И поворачиваться не нужно было, чтобы понять: это Саша. Больше никто не мог бы смотреть на нее с такой ненавистью.

– Теперь ты, наверное, счастлива?

Кая молчала. Лопата с тяжелым звяканьем наткнулась на что-то твердое. Может, старая труба или жестянка.

– Твоя подруга погибла... Мне жаль. – По голосу Саши было понятно, что ей вовсе не жаль. – А как насчет моих друзей? Тоша не может встать. Я не знаю, сможет ли. – Ее голос дрожал. – А Ган...

Кая выпрямилась, чувствуя, как гудит поясница.

– Ган был и моим другом тоже. – Она сказала «был», как будто не верила, что он может вернуться. Она говорила о нем в прошедшем времени.

– Да, – протянула Саша, – другом... – Ее голос окреп, вырос, набрал силу, как будто стены сочувствия, что сдерживали Сашу до сих пор, одним махом рухнули. – Да что ты вообще знаешь о дружбе, а? Артем... он любил тебя – по-твоему, это не было заметно? И знаешь что?

– Что? – устало спросила Кая, снова вонзая в землю лопату.

– Мне – да, мне – было больше дела до того, что он чувствует и о чем думает, чем тебе. Не потому, что мне нужна была его помощь, а просто так. Потому что он хороший, и...

– По-твоему, я шла с ним, потому что мне нужна была его помощь? – Кая говорила спокойно, с отрешенным, прохладным любопытством. Ни обиды, ни гнева она не чувствовала. – Вот как ты это видишь?

– Да. – Саша говорила с вызовом, и Кая услышала, как она делает шаг в сторону ямы. – Именно так. А как еще? Думаешь, хоть кто-то, кто видел вас вместе, поверил бы, что тебе на него не плевать? Ты прекрасно знала, что он влюблен. И тебе это нравилось.

– Что?.. – Это последнее утверждение на мгновение пробудило в Кае настоящее удивление. – Нравилось?..

Саша расхохоталась, и ее смех – невеселый, мертвый – еще некоторое время звенел в холодном осеннем воздухе.

– Не прикидывайся. Тебе нравилось, что они оба за тобой бегают. Ты гордо ушла из Агано с Артемом... «Ой, я никак не могу остаться, у меня такая высокая цель, я от нее не откажусь»... А он-то наверняка подумал, что ты идешь, потому что выбрала его. Скажешь, тебе это и в голову не приходило?

– Заткнись.

– А Гана ты оставила, перед этим посадив на крючок. Да от него никто бы никогда не ушел! Ради него многие девчонки из Агано забыли бы про любое обещание... А ты хотела показать, какая ты особенная, чтобы...

– Ну и каша у тебя в голове. – Кая наклонилась и вытащила из земли старую жестянку, швырнула ее к Сашиним ногам. – Судишь меня по себе, да? Тебе вообще что-то, кроме парней, интересно?

– Кроме парней? – взвизгнула Саша. – Парней... Мне был нужен всего один. Один! С тех пор, как я была совсем ребенком. Мне было десять лет, а я смотрела на него и думала: «Он будет моим мужем, когда я вырасту». Он тогда не был князем. Девчонки на нем не висли... Север колотил его почем зря, а его мать... – Саша осеклась, заговорила спокойнее. – Но мне всегда был нужен только он. Только он. Я выжила в городе Тени – ради него. А ты пришла и забрала его, вот так просто.

– Ну извини, – пробормотала Кая. Тупая боль в груди не отступала, и Сашины обвинения не могли от этого отвлечь. – Ты что, думаешь, цель моей жизни – тебя позлить?

– О нет. – Теперь Саша говорила спокойнее. Она тоже устала. – Я думаю, цель твоей жизни – это приносить беды... Не мне – всем. Агано, город Тени, этот город... Ты сама ничего не можешь построить и поэтому все только разрушаешь. – Саша говорила так страстно, как будто уже много раз прокручивала эту речь в голове. – Ты вообще не думаешь, прежде чем что-то сделать... Просто идешь наугад... И вот к чему это привело. Ган и Артем пропали – скорее всего, они никогда не вернутся назад. Тоша не встает – возможно, он не сможет ходить, как Инга. Ты хоть понимаешь, что он сейчас чувствует? Нет, тебе плевать. Ты стоишь тут, жалеешь себя, а лучше бы пожалела эту несчастную дуру, которая тебя послушала, а теперь...

– Довольно. – На Каины ссутуленные плечи легка длинная тень. – Девочка, оставь ее в покое. Иди к своему другу. Он звал тебя. Ему нужна помощь.

Некоторое время обе тени молчали, пока их владелицы мерились взглядами, а потом та, что покороче, дернулась и уплыла.

Кая оперлась на лопату, обернулась.

– Не стоило. В ее словах была доля правды.

Капитан Стерх молча разглядывала ее. Высокая сложная прическа лежала безукоризненно, волосок к волоску. Если бы не перевязь, поддерживающая руку, и не бурые пятна на полах длинного теплого плаща, подбитого мехом, нельзя было бы и предположить, что она тоже участвовала в недавних событиях в Красном городе.

– Я пока о тебе ничего не знаю, – наконец произнесла она. – Кроме того, что у тебя тоже есть причины разобраться со здешним бардаком. Так или нет?

– Так, – прошептала Кая, плохо понимая, о чем та говорит.

– Очень хорошо. Пока что все, кто сражался, зализывают раны... Хоронят убитых. Пока они не понимают, на чьей стороне продолжают биться. Не понимают даже, какие есть стороны... Теперь, когда Сандра здесь нет. Но пройдет немного времени, и они поймут. Начнется хаос. Кто-то захочет забрать власть, пока она плохо лежит. Кто-то – покинуть город, забрав ресурсы. Кто-то – вернуть Сандра.

– Вы тоже этого хотите?

Капитан Стерх помедлила, внимательно глядя Кае в глаза, а потом покачала головой:

– Нет. Не думаю. Но у нас будет время это обсудить. Мне нужны люди, которые были там. Которые обо всем расскажут... и которые заинтересованы в том, чтобы остановить кровопролитие, если это еще возможно. Ты из таких?

– Да.

– Тогда идем. Нужно убраться отсюда. Как можно скорее. Я уверена, что Сокол начнет действовать... опять. – Стерх бросила на Каю взгляд, в котором читалось все, о чем она умолчала.

Хаос последних дней показал, что Сокол не только жестока, но и безрассудна.

Кроме того, она была напугана и пыталась удержать то, чем обладал Сандр, любой ценой. Многие его люди переметнулись к ней, потому что она обещала им его вернуть. А потом она отдала приказ убивать всех, кто сопротивлялся или пытался сбежать...

– Я пойду с вами. Вы заберете Тошу?

Капитан Стерх молча кивнула.

– Хорошо, – хрипло сказала Кая. – Но... я должна...

Она наконец подняла взгляд и посмотрела. Туда, где, выпростанная из простыни, в которую ее завернули, белела тонкая бледная рука. Неживая. Холодная.

Капитан Стерх проследила за ее взглядом и вздохнула

– Мне жаль. На это нет времени. Многие погибли... Нам надо торопиться. Кто-нибудь ее...

– Я помогу. – За спиной у капитана стояла темнокожая женщина – по ее спокойному ровному лицу с крупными губами и большими карими глазами трудно было определить возраст, но Кая подумала, что она молода – не старше тридцати лет.

До сих пор она видела ее только мельком и знала, что она – одна из приехавших в Красный город по приглашению Сандра.

– Там, откуда я пришла, к смерти относятся серьезно. Своих мертвых нужно хоронить самим, – негромко произнесла женщина, обращаясь к капитану Стерх. – Я помогу ей. А потом мы обе пойдем за тобой – если ты и меня возьмешь.

– Я не слышала, как ты подошла, – сказала Стерх, – поглядывая на женщину с подозрением – но и с одобрением тоже. – Хорошо. Можешь выбраться из города с нами – а дальше решим, что делать. Поторопитесь. Времени нет.

Темнокожая женщина спрыгнула в неглубокую яму рядом с Каей и протянула ей руку – маленькую, с неожиданно светлой ладонью.

– Шоу.

Кая пожала протянутую руку, и на миг ей показалось, что эта ладонь – единственный источник тепла на свете на многие и многие километры вокруг.

Они молча копали, двигаясь в одном темпе, и через несколько минут Кая перестала бояться, что Шоу заговорит с ней – или что повторится атака капитана Сокол, несущая с собой взрывы, кровь и смерть. Они молчали – пока яма наконец не стала достаточно глубокой, чтобы надежно укрыть Марту от нечисти и диких зверей.

Вместе они подняли ее – такую легкую, маленькую – и осторожно опустили в яму.

Кая потянулась к простыне, взялась за край, и тень Шоу снова легла ей на плечо.

– Не надо. Не терзай себя.

Но Кая упрямо мотнула головой. Она должна была посмотреть – должна была увидеть и навсегда запомнить ее лицо. Марта родилась в Северном городе. Ее бабушка и дедушка были учеными. Ее мать сошла с ума после большого наводнения, а потом не пережила дороги в столицу. Марта была лаборантом. Ей нравилось сидеть в чайной, пить маленькими глотками согревающий чай, глядя на холод за окном. Она носила зеленый платок. Мечтала отомстить за тех, кого любила. Была влюблена в юношу по имени Шиповник. Заикалась... Кая никогда не узнает – с рождения? Или, возможно, с тех пор как чудовищная волна наводнения смыла, унесла все то, что казалось Марте незбылемым?

Теперь она лежала здесь. Твердая. Мертвая. Кая стиснула зубы и протянула руку, а потом откинула простыню...

Мир вокруг содрогнулся от грохота, и чьи-то сильные руки бросили ее на землю.

– Уходим! Уходим!

Она накрыла Марту собой, ничего не понимая, дрожа всем телом.

– Нет! Я не могу ее так оставить! Нет!

– Прекрати! Возьми себя в руки!

Пощечина на миг оглушила ее. Земля у ног Шоу взорвалась фонтанчиком брызг.
– Ложись!

Марта ускользала из ее рук, и Кая потянулась к ней, загребая свежие комья земли...
И проснулась.

За окном занимался рассвет – серый, безжизненный. Солнечные лучи, редкие, прозрачные, с видимым трудом пробивались сквозь снежную завесу. Стекло было изрезано узорами. Печь под Каей почти совсем остыла, и от губ в воздух поднималось легкое облачко пара. Дрожа, она плотнее закуталась в куртку и одеяло.

Прошло почти два месяца с тех пор, как она покинула Красный город, а этот сон не оставлял ее в покое. Он всегда заканчивался одинаково. Ей не удавалось отогнуть край простыни. Никогда не удавалось увидеть лицо Марты. И никогда не удавалось до нее дотянуться.

Наверное, когда-нибудь она смирится и решит, что это к лучшему. Не помнить лицо Марты мертвым – значило хранить ее в сердце живой. Обманывая себя, можно верить в то, что где-то далеко Марта продолжает краснеть и заикаться, рассказывая кому-то о Шиповнике, носить свой зеленый платок, пить обжигающе горячий чай. Когда-нибудь Кая точно с этим смирится... Но еще не теперь.

Некоторое время она ждала, пока успокоится сердцебиение. Отросшие рыжие волосы неприятно липли к вспотевшей шее. Кая отбросила одеяло и как будто в ледяную воду нырнула. зуб на зуб не попадал от холода, и пол показался холодным как лед, даже через толстые носки. Стуча зубами, Кая влезла в сапоги, утонула в рукавах слишком большой и тяжелой куртки.

Она подошла к жестяному умывальнику, нажала на язычок ладонью. Воды не было, хотя еще вчера она топила снег. Кая приподняла крышку: в чаше умывальника подтаивала глыба льда.

В поленице у печной заслонки оставалось не так много дров, но она все равно скормила пару пахучих брусков пламени, протянула к теплу озябшие покрасневшие пальцы. Пошмыгала носом, с тревогой прислушиваясь к ощущениям. Трое из группы недавно слегли с простудой, и теперь больше всего она боялась заболеть. Лекарств не хватало, не было даже трав для заваривания и припарок. Недоставало еды – и на скудных пайках больные и раненые поправлялись медленно. С приходом настоящих холодов они уже потеряли двоих.

– Ты проснулась? – На пороге стояла Шоу.

Как и многие гости Сандра, она так и не вернулась домой. Впрочем, все они уже мало думали о возвращении. Их занимали другие хлопоты.

– Угу.

– Отлично. – Шоу стряхнула с мехового капюшона целый сугроб прямо на пол и громко чихнула. – Проклятый холод. Не припомню такой холодной зимы с Великого хлада.

– Великий хлад?

– А. У нас так называют то, что творилось десять лет назад. Ты, наверно, ребенком была, не помнишь. Я в ту зиму как-то раз принесла домой пару десятков уток, не сделав ни единого выстрела.

– Как?..

– Вмерзли в лед.

Кая хмыкнула:

– Ну и история.

– Чистая правда. – Шоу белозубо улыбнулась, но посерьезнела. – Ты готова? Стерх не будет ждать.

– Готова. – Кая вздохнула. – Вода все равно замерзла. У тебя нет чего-нибудь поесть?

Шоу кивнула:

– Поедим по дороге. Или хочешь посмаковать сухари тут?

Кая застегнула куртку, опоясалась ножнами, сняла со стены свою пару снегоступов.

– Вы уверены, что хотите идти со мной? – пробормотала она, привязывая снегоступы к ногам. – В смысле... Он сказал, что готов говорить со мной один на один. Я боюсь, будут проблемы.

– Если пойдешь одна, проблемы точно будут, – мрачно заявила Шоу. – Нам нужна его помощь. Но, если он тебе навредит, от этого точно никто не выиграет.

– Я обещала зайти к Тоше...

– Кая! – Шоу покачала головой. – Не хочешь идти – просто скажи. К чему эти отговорки?..

– Я хочу идти. – Она понадеялась, что это прозвучало достаточно твердо. – Хочу. Я сделаю все... если это поможет.

Шоу коснулась ее руки – всего на мгновение.

– И мы все это ценим. Зайдешь к Тоше, когда вернемся. Мы вернемся.

За ночь снегу напало так много, что первые этажи развалюх, в которых они зимовали, оказались наполовину завалены сугробами.

Стерх и еще несколько человек, в том числе Пом, верзила-помощник капитана, уже стояли у ее дома, все в снегоступах, укутанные в несколько слоев теплой одежды, с покрасневшими от мороза щеками и носами.

– Отличное утро! – пробасил Пом, завидев Каю. – Самое время для вылазки, девица.

– Готова? – спросила капитан Стерх вместо приветствия и, не дождавшись ответа, продолжила: – Вот и хорошо. Выдвигаемся сейчас. Я и Пом пойдем прямо за тобой. Еще трое – с нами. Шоу возьмет остальных и обогнет холм – так что через пару километров нам придется разделиться.

– Зачем? – Разделяться с Шоу Кае не очень хотелось.

– Подстраховка. Слишком много сопровождающих – он может разозлиться.

– Засада тоже его разозлит.

– Он о ней не узнает, – твердо произнесла капитан Стерх. – А если узнает – его злость тебя уже не должна волновать. Мы разберемся.

Помедлив, Кая кивнула.

– Вот и хорошо, – сказала Стерх. – Вперед!

Поначалу идти по снегу было тяжело. Снегоступы то и дело проваливались под наст. Комья снега обжигали холодом, попадая в сапоги, и носки быстро промокли. Но постепенно Кая приоровилась – снегоступы бойко заскользили по ледяной корке, спина взмокла, а щеки покраснели уже не от холода. Движение согревало, к тому же солнце почти взошло, и мир вокруг засиял. Деревянные дома, в которых расположилась группа Каи, издали напоминали сгорбленных стариков в белых меховых накидках. Над крышами поднимался легкий дым из труб. Метель гудела за окном всю ночь – и теперь сосны и ели укрыло таким толстым слоем снега, что зелени иголок почти не было видно. Ледяная корка на дороге и вдоль нее серебрилась. Путники как будто скользили по прозрачным кристаллам, и Кая с трудом поборолась искушение зачерпнуть их рукой – вдруг на ладони и вправду останутся драгоценные камни, как в сказке про волшебного оленя, которую рассказывал ей в детстве дедушка?

– Как хрусталь, а? – Шоу легко обогнала ее. Она двигалась по снегу без труда – как, кажется, делала вообще все на свете. – Красиво.

– Угу. – Кая старалась не разговаривать, чтобы не сбить дыхание. – Красиво.

– Нам пора разделяться. Удачи вам! – Шоу скользнула вперед с легкостью и быстротой молнии, и еще трое последовали за ней.

Кая ускорила, нагнала капитана Стерх и Пома.

– Каков наш план?

– Нам нужны лекарства и еда, – отозвалась Стерх, не сбавляя шага. – Он контролирует въезды в город, но в центр пробиться не может. Если мы дадим ему то, что он просит...

– Он псих, – отозвалась Кая резче, чем хотелось бы. – Если дадим ему людей, они могут не вернуться обратно.

– Многие встали под его знамена, – хмыкнула Стерх. – Чем бы он ни заманил людей, они на это купились. И гости. И горожане. Думаю, людей ему хватает.

– Тогда что ему от нас надо?

– Боюсь, мы обе знаем ответ. Но я хочу, чтобы ты узнала точно, Кая. Выиграй время. Попробуй получить хоть что-то. Мы будем рядом – нравится ему это или нет...

– Да он не один придет, капитан, – пробасил Пом, который до сих пор слушал их разговор нахмурившись. – Он же в своем уме.

Кая хмыкнула, но промолчала.

Они встретились на границе Внешнего кольца.

Он ждал у паровой машины, демонстративно помахивая вдоль тела пустыми руками. На нем была длинная шуба из меха бурого медведя с капюшоном, сделанным из оскаленной безглазой морды. За плечом – рукоять меча, у пояса – кобура. Завидев Каю, он приветливо поднял руку и рассмеялся.

– Как неловко. Мы вроде бы договаривались встретиться один на один, разве не так, рыжик? – Красно-синяя маска не выражала ничего, но Кае казалось, что она научилась понимать настроение дяди Гана – по тону голоса, блеску глаз в прорезях маски.

– Мы ни о чем не договаривались. Ты сказал, чего хочешь... Я услышала.

– И сделала по-своему. Что ж, позволь вознаградить тебя встречной честностью. – Север кивнул, и снег у ног Каи тут же взорвался белым фонтаном брызг.

Она не шелохнулась – от неожиданности, а вовсе не от избытка смелости, но Север улыбнулся уважительно:

– Неплохо. Что ж, теперь мы оба выложили карты на стол. Решите что-нибудь вытворить – мои снайперы тут, неподалеку. Иди ко мне, малышка. Лишние нам ни к чему.

Капитан Стерх сделала шаг вперед, но Кая помотала головой:

– Все в порядке! Мы поговорим, и я вернусь.

– Умная девочка. – Север расправил плечи. – Тогда иди сюда – остальные пусть ждут. Поговорим в машине, в тепле. Угощу тебя пирожками – они еще не остыли.

Капитан Стерх кивнула Кае.

– Если что, мы тут, рядом, – шепнула она.

Они с Севером сошлись один на один, как будто для дуэли, и Кая остро чувствовала незащищенность лопаток. Дядя Гана приглашающим жестом показал на машину, галантно открыл дверцу. Кая покорно забралась внутрь, провалилась вниз – сиденье оказалось основательно продавленным. Север забрался вслед за ней, и машина мигом наполнилась его теплом, запахом, ощущением опасности. Кая рефлекторно отшатнулась, и Север хмыкнул:

– Не бойся меня, рыжик. Неужели я такой страшный?

– Снимите маску, и узнаем, – буркнула Кая и похолодела.

Она не хотела начинать разговор с дерзости. К счастью, Север лишь расхохотался в ответ на ее выпад:

– Справедливо! – Он потянулся к соседнему сиденью, пошарил там и кинул Кае на колени что-то завернутое в несколько слоев ткани.

– Что это?

– Как что? – в тон ей ответил Север. – Пирожки, конечно! Думала, я шучу? Ешь. Не стесняйся. Ешь-ешь, не надо изображать уязвленную гордость, я прекрасно знаю, что у вас там жрать нечего.

Пальцы Каи дрогнули, и она почувствовала, как щекам становится жарко. Она уловила запах еды, и рот наполнился слюной – она ничего не могла с собой поделаться и боялась, что Север заметит.

– Давай же. – Маска наклонилась к ней. – Говорить можно и за едой. Будь Ган здесь, он хотел бы, чтобы ты хорошо питалась, верно?

От упоминания Гана в животе разом сделалось пусто. Машинально Кая развернула сверток негнуцими пальцами, взяла один из пирожков – чуть теплый – и откусила. Она судорожно вздохнула. Пирожок был теплым, с мясной начинкой, и она ела, ела, и в этот миг ей плевать было на внимательный взгляд Севера и тех, кто ждал ее снаружи.

– Приятно видеть девушку с хорошим аппетитом, – усмехнулся Север. – Ешь сколько хочешь, рыжик... пока можно. И поговорим. Начнем с главного. Как обстоят дела у ученых, которых вы украли?

– Они не рабы или вещи, чтобы их можно было украсть. – Пожалуй, это прозвучало бы более гордо, не будь ее рот набит едой. – Когда мы предложили им покинуть город, многие согласились... Это было их решение.

– Да, вы быстро подсуетились, – хмыкнул Север, – пока я разбирался с этой ненормальной бабой, возмнившей себя вдовой-царицей.

– Капитан Сокол мертв? – быстро спросила Кая. Слишком быстро.

– Пока нет, – неохотно признал Север. – Но подожди, я работаю над этим всего ничего.

Когда-то Ган говорил ей похожие слова, и Кая с трудом проглотила комок в горле.

– Приятно слышать...

– Какая жестокая девчушка, посмотрите на нее! – Маска качнулась, призывая невидимых зрителей в свидетели. – Загреть жар чужими руками всегда приятно, милая. Не вилай. Что с учеными?

– А что с ними?

– Хватит играть в игры, у тебя это плохо получается. – Голос Севера стал ниже, и теперь в нем явственно звучала угроза. – Ученые были нужны тебе, да, лично тебе, чтобы вернуть мальчишку. Ты каким-то образом задурила остальных головы – убедила их, что ученые помогут вам захватить контроль над Красным городом? Ну, теперь, думаю, они разочаруются. Ученые без поддержки города и лаборатории ничего не стоят – победит тот, в чьих руках больше людей и оружия. А сейчас это я.

– Если у вас все так хорошо схвачено, зачем пытаться с нами договориться? – спросила Кая, взяв второй пирожок. – Вы зря думаете, что я кого-то в чем-то убеждала... Ученые, которые ушли... устали быть игрушкой в чужих руках. Не все знали про Сандра. Теперь знают. Они знают, что Сокол хочет того же, чего хотел он... А если у власти окажется кто-то другой, – она не решилась сказать точнее, – что тогда им придется делать? Создавать новое оружие или...

– А они, видимо, мечтают трудиться над вечным двигателем или искусственными отбивными, чтобы коровок не убивать, – иронично отозвался Север. – Ну, так передай им, рыжик, что никому и никогда это интересно не будет. Любишь историю? Я вот очень люблю. Читал много книг. Кровь, огонь и смерть – вот что всегда волновало человека. Оружие – еще более смертоносное оружие! Высокие стены – баллисты. Мечи – щиты. Огнестрельное оружие – бронежилеты. Что может быть прекраснее этого? Партия длиной с историю человечества!

– Очень воодушевляет, – пробормотала Кая. – Но не все...

– Конечно, все. – Маска гулко хохотнула. – Ты просто еще очень юна, а молодые все романтизируют. Этим высоким умам так или иначе придется думать о защите и нападении – почему бы не для меня? Я по крайней мере на стороне людей. Мне, в отличие от Сандра или его потаскушки, двух миров не надо – хватит и одного. Все вернется на круги своя – пусть и дальше работают над тем, как закрыть прорехи.

Кая замерла, и глаза в прорезях маски насмешливо сверкнули.

– Вот только ты уже не хочешь закрывать их, не так ли? – вкрадчиво сказал он. – Во всяком случае, пока он – на той стороне.

Кая молчала. Пирожок был вовсе не таким вкусным, как ей показалось вначале.

– Ты хочешь вернуть его, – твердо сказал Север. – И у меня хорошие новости: я хочу того же.

– Зачем? – Говорить было трудно. – Чтобы убить?

Однажды – почти сразу после битвы за Красный город – они уже говорили о Гане. Тогда ей удалось уйти – или он ее отпустил?

– У нас с ним сложная и долгая общая история. – В голосе Севера прозвучала странная нежность. – Такие истории всегда заканчиваются смертью. Какая разница? Для тебя должно быть важно одно: я хочу того же, что и ты. Его возвращения. Именно поэтому я говорю с тобой, рыжик. Расклад прост. Вы забрали ученых... и, полагаю, не скажете, где их спрячете, даже если я попрошу очень вежливо. У меня – оружие и люди. В Красном замке – сумасшедшая стерва со своими приспешниками. Половина верит в нее, половина – в возвращение Сандра... Но мне плевать, во что они верят, пока они тычут своими стволами мне в лицо. У вас людей мало – но я знаю, что вы прихватили кое-что, когда покидали город...

– Чего ты хочешь? – Кая положила смятый пирожок на колени, в полотенце, не просыпав ни крошки.

– Мне нужно все, – просто сказал Север. – Мне нужны люди, и оружие, и ученые. Чем больше, тем лучше. Мне нужны дирижабли. Я знаю, что ваш не на ходу, но вместе мы сумеем это исправить. Присоединяйтесь ко мне. Хватит ютиться в землянках и заброшенных домах – сейчас там сдохнуть можно от холода. Я знаю, что твоя группа разбросана по пригородам... Знаю, что вы постоянно передвигаетесь. У меня нет времени для охоты на кроликов. Мы нужны друг другу. Людям нужно объединиться против тварей с той стороны.

– Сандр говорил то же самое, – заметила Кая.

– Да, это забавно, – согласился Север. – Но я – как тебе известно – человек. До Сандра в Красном городе всегда сидели люди – я предлагаю воскресить эту славную традицию. Давайте объединим силы. С учеными, которые умеют шевелить мозгами, с местными, которые знают этот город как свои пять пальцев, мы рано или поздно одолеем эту стерву. Она засела за стенами, но это ее погубит. Центр снабжался Внешним кольцом, и скоро ей нечем станет кормить своих людей. Большинство снабженцев разбежались, пытаются жить своим умом, – Север иронично хмыкнул, – или спрячутся с вами по шалашам. Но, как бы им ни хотелось думать иначе, во многом они тоже зависимы от Красного города. Скоро станет еще холоднее. Еще меньше еды. Еще...

– Я не могу ответить за всех, – осторожно сказала Кая. – Я не главная. Вам стоило бы поговорить с капитаном Стерх или...

– Я лучше с тобой поговорю. – Север хохотнул. – Не знаю, заметно или нет, но я с трудом завожу новых друзей... А мы с тобой – уже хорошие друзья, не так ли, рыжик? К тому же, я уверен, у нас общие интересы. Я сделаю все, чтобы вернуть его. – Голос Севера стал вкрадчивым. – И кто знает... Может, по итогам нашей встречи это я отправлюсь прямиком в ад – а ты станешь княгиней. Агано – хорошее место, не так ли? Интересно, его уже успели прибрать к рукам? Или преданные детишки все еще ждут своего вожатого?

– Мне не нужно Агано. Я хочу только...

– Его. – Ирония в голосе Севера перелилась через край. – Конечно. Это правильная стратегия, дорогая. Мой племянник всегда был очень амбициозным. И, если он останется жив, очень может быть, что теперь, когда он полюбовался на Красный город, ему быстро станет тесно в старой песочнице. Но ты говоришь искренне, не так ли? Ах, юность. Только очень юный человек умеет влюбляться так беззаветно – и так скоро, что даже не успевает подумать в кого.

Он откинулся на сиденье, потянулся, лениво покрутил головой, разминая шею.

– Мы закончили, рыжик. Найди способ убедить их. Станем союзниками – получим все сразу. И город, и всех, кто в нем. И так как по твоим глазам я вижу, что ты колеблешься...

– Я вовсе не...

Север погрозил ей пальцем:

– Не лги дядюшке. Мы ведь в каком-то смысле почти родня. Ты колеблешься. Ты запуталась, тебе одиноко. Ты всех потеряла. Тебе хочется кому-то довериться. Почему бы не мне? Твои колебания заслуживают награды, и вот она. Бесплатный совет. Подумай головой, рыжик. Присмотрись к этой вашей Стерх. Знаешь, как говорят? Возраст любой женщины можно определить по ее шее. Посмотри на нее повнимательнее – и сложи кусочки мозаики. Уверен, это будет нетрудно.

– О чем вы?.. При чем здесь ее возраст?

– Ни слова больше! – Север рассмеялся. – Не хочу лишать тебя удовольствия.

– Какого еще удовольствия?.. – Говорить с ним было все равно что пытаться пробиться на поверхность сквозь плотную пленку ряски. Кая представила, каково Гану было взрослеть рядом с этим человеком, и почувствовала, как сдавило ребра, будто ей не хватало кислорода.

– Удовольствия разгадать загадку самостоятельно. – Голос Севера стал бархатистым, вкрадчивым. – Разгадывать загадки – самое большое удовольствие в жизни, уж поверь мне. А я перепробовал их все. Так что иди, рыжик. Иди и подумай хорошенько. Все они хотят только открыть прорехи или только закрыть их... А наши с тобой цели совпадают. Скажи Стерх: мне нужно ее решение не позднее чем через две недели. Решится – пусть запалит большой костер с черным дымом здесь же, в любой день, когда солнце будет в зените. Я узнаю. Если нет... – Север откинулся на спинку кресла и помолчал пару секунд, прежде чем продолжить. – Если нет, разожги огонь сама, Кая. Убеди людей. Столько, сколько сможешь. И присоединяйтесь ко мне, наплевав на эту птицу. Среди моих людей тоже есть летуны. Мы справимся и без нее. Держись меня. Мы положим конец прорехам. Вместе. И вернем моего племянника – вместе. Даю слово.

Кая понимала, что ей лучше сразу же рвануть ручку двери и выйти наружу, на холод. Не стоило слушать эти слова Севера – потому что даже это было маленьким предательством. Она должна была отказать прямо и твердо. Но вместо этого она спросила:

– Что между вами произошло? Почему вы так... одержимы им? Ведь вы... семья. У многих никого не осталось. – Она с горечью подумала о дедушке, который был для нее всем, об отце, матери и дяде, которых почти не помнила.

Как ни странно, дядя Гана заговорил не сразу. Несколько мгновений красно-синяя маска оставалась бесстрастной и неподвижной.

– Скажем так, – наконец произнес Север, и в его в голосе не было привычной насмешки, – в какой-то момент именно твой драгоценный князь поставил свои интересы выше интересов семьи. Рассказать подробнее?

Кая невольно подалась вперед, и Север хмыкнул.

– Не теперь, дорогуша. Я хорошо знаю молоденьких девушек. Симпатичная мордашка любую историю делает куда убедительнее... А я, спасибо нашему князю, в этом с ним тягаться не смогу.

– Возможно, он виноват в чем-то, но я уверена...

– Милая, ты ни в чем не можешь быть уверена. – Голос Севера звучал почти задушевно, как будто он был ее добрым другом. – Ты так мало его знаешь... Любовь заполняет все прорехи, не так ли? Но есть кое-что, что мне, увы, хорошо известно. Пока ты молод – любовь быстро проходит. Однажды – о, поверь мне, сейчас тебе хочется верить в то, что этого никогда не случится, но – однажды ты будешь готова говорить о нем с холодной головой. Но еще не теперь.

Кая уже шла в сторону капитана Стерх, когда дверь машины за ее спиной со скрежетом открылась и что-то размером с голову упало на снег к ее ногам.

– Прихвати пирожки с собой! – крикнул Север ей вслед, приветливо махнув ее спутникам. – Угощайтесь, господа. И подумайте о том, что я сказал... Настоящий холод еще впереди.

Глава 3. Артем

Артем наконец выбрался из цепких лап дремотного дурмана. В голове прояснилось, и шум морских волн стал просто шумом, а мир перестал кружиться. Призраки Каи и Сандра ушли – но вот Ган никуда не делся, и пока что Артем не мог понять, радоваться этому или нет.

Ган сидел у костра неподвижно, как неживой. Его зеленые глаза пристально смотрели куда-то в центр кострища, словно ища что-то среди мерцающих углей. Он обхватил себя руками и время от времени слегка вздрагивал всем телом, как от холода, хотя воздух еще был теплым.

Артем пытался разговорить Гана, но тот не реагировал, как будто слова были такой же частью мира вокруг, как шум моря или шелест листьев. В конце концов Артем оставил свои попытки, решив, что Ган вполне может быть очередным плодом его воображения.

Но теперь он окончательно пришел в себя – а Ган остался. Кровь на его лице совсем засохла, застыла пугающей глянцевиной маской и пошла мелкими молниями трещин.

– Тебе бы умыться, – осторожно сказал Артем. – Ты весь в крови.

Некоторое время ему казалось, что Ган все еще не замечает его, но потом князь медленно повернул к нему голову – тяжело, неповоротливо, как будто проворачивая тугий шарнир.

– Кровь, – тихо сказал он, и это было первым, что Артем от него услышал на этой стороне.

– Да, кровь. – Артем растерялся.

Что бы ни произошло, Ган точно не притворялся – слишком неподходящий момент для игр, и даже князь должен был прекрасно это понимать. К собственному стыду, на миг Артем даже обрадовался, поняв, что Ган реален. Пусть они не любили друг друга, князь был хорошим воином – Артем до сих пор помнил, как тот в одиночку справился с огромным Болотным хозяином, – а значит, его собственные шансы на выживание резко возросли.

Однако сейчас Ган вряд ли сумел бы кого-то защитить.

– Кровь, – повторил он и отвернулся к огню.

Артем лихорадочно размышлял. Возможно, это связано с тем, что Ган прошел сквозь прореху? Тогда почему с ним самим все было в порядке?

Шок? Он понятия не имел, как привести Гана в чувство, и, пока они продолжали сидеть на берегу, время утекало сквозь пальцы. Он осторожно пошевелил рукой. Его рана не болела, лоб был прохладным. Ночные бражники подействовали – но надолго ли, Артем не знал.

Почему-то с появлением Гана – кого-то реального, столь же чуждого этому пустынному берегу, как и он сам, – Артем как будто очнулся от странного сна. Как мог он думать, что никогда не вернется назад? Способ найдется, должен найтись, особенно теперь, когда их двое. Дело было за малым – вернуть Гана. Пока что при взгляде на него Артему казалось, что рядом с ним у костра – покинутый дом, пустая оболочка.

– Ладно. – Артем поднялся с песка. – Давай подойдем к морю? Умоешься.

Ган продолжал сосредоточенно рассматривать огонь, как будто видел его впервые.

Артем вздохнул, шагнул к князю и протянул руку. Рука дрожала. Если Ган полезет драться – а Артем слышал, что такое с людьми в шоковом состоянии случается, – ему не справиться.

Ничего не произошло – князь как будто не заметил его прикосновения.

– Пойдем, а? – Это прозвучало просительно, жалко, и Артем разозлился на себя.

Он сильнее ухватил Гана за плечо, потянул вверх. Тот покорно поднялся и последовал за Артемом. Вслед за ним подошел к берегу и остановился у самой кромки воды, равнодушно глядя на подкатывающие к нему кудрявые пенные завитки. Его руки висели вдоль тела безвольно, как плети.

– Ладно... – пробормотал Артем.

Он намочил в соленой воде лоскут ткани, припасенный для перевязки, и начал осторожно оттирать засохшую кровь с лица князя. Оно все было в синяках и ссадинах. Гану наверняка было больно, но он не издавал ни звука, как будто ничего не чувствовал. Кровь никак не оттиралась, и в конце концов Артем наклонил лицо Гана к воде и осторожно умыл его. Лицо выглядело плохо, очень плохо – один глаз заплыл, и Артем ощутил противный комок в горле при мысли о том, что это своими руками сделал Сандр, который так любил классическую музыку, с которым не надоедало разговаривать вечерами.

А еще Артему было не по себе от того, что раньше он вот так ни о ком не заботился – только о дедушке Каи. Странно было умыть лицо, по которому в обычных обстоятельствах он мечтал только съездить. Теперь он видел его совсем близко и пытался почувствовать обычное раздражение. Но на этом лице не было ни уверенности, ни насмешливости – только потерянная неловкость. Ненавидеть обладателя этого лица не получалось.

– Ну вот, – пробормотал Артем, – теперь лучше.

Он подумывал дать Гану кусочек ночного бражника – совсем крохотный, – но не решился. Раны не выглядели опасными, а вот ждать, пока Гану перестанут мерещиться все поочередно знакомые – или что бы там ему ни начало мерещиться, – он не мог. Артем подозревал, что новая походка Гана, неуверенная, скособоленная, могла объясняться еще какими-то повреждениями – Сандр вряд ли бил только по лицу.

– Ничего серьезного, – пробормотал Артем, стараясь поверить в это. – Ты же можешь идти, да? Значит, все не так плохо.

Ган молчал. Темные пряди падали ему на лицо, и по ним стекала вода. Артему стало жутко при мысли о том, что Ган, возможно, не придет в себя. Конечно, он не раз мечтал никогда больше не видеть князя. Но не видеть человека – одно дело. Быть обреченным видеть живого мертвеца – совсем другое.

Стараясь не смотреть Гану в лицо, Артем осторожно пошарил у него в карманах. Он нащупал что-то под воротом: на груди князя оказался надежно спрятан маленький глиняный волчок – сердце Артема пропустило пару ударов. Больше всего на свете ему хотелось забрать волчок себе. Сейчас Ган все равно не смог бы помешать ему... Но Артем осторожно убрал волчка обратно под куртку и продолжил обыск. На бедре у Гана была небольшая фляга – пустая, но ее можно было наполнить водой из ручья. В кармане Артем нашел спички – драгоценность в нынешних обстоятельствах – и пару сухарей. Они выглядели так, как будто пролежали там несколько недель, но при взгляде на них Артем почувствовал голод.

– Думаю, нам стоит раздобыть еду. – Он говорил с Ганом, хотя тот, кажется, совсем его не слушал. – У меня есть проволока. Можно попробовать поймать рыбу. Запечь в листьях...

Не договорив, Артем уже понял, что ему совсем не хочется задерживаться на этом пустынном берегу. Может быть, слишком свежи были воспоминания о видениях, навеянных травяным дурманом... Но теперь безлюдный пляж казался каким-то враждебным.

– В конце концов, – пробормотал Артем, переключая сухари в собственный карман, – попробовать порыбачить можно где угодно. И теперь мы везде сможем развести огонь. А это место... Не хочу здесь ночевать, а ты?

Ган отвернулся. Артем вздохнул:

– Ладно. Давай пройдемся немного вдоль берега? Может, увидим что-нибудь... Хотя что-нибудь.

Убедившись, что Ган стоит у берега, сосредоточенно глядя вдаль, и никуда не собирается уходить, Артем снова дошел до леса. Там он подобрал несколько длинных кривоватых палок. Неся их к берегу, он вдруг почувствовал, что кто-то ухватил его за рукав, и вскрикнул. Он уже видел Сандра, чувствовал клыки Тени на руке... Но это была всего лишь вязкая черная смола на стволе одного из деревьев, настолько густая, что он с трудом высвободил край рукава.

Смола пахла хвоей и немного – рыбой, ничего подобного Артем прежде не видел. Подумав немного, он хорошенько вымазал в смоле концы палок, которые нес.

В глубине души он боялся – или надеялся – не увидеть Гана на берегу. Но тот был на месте – сидел, покачиваясь, у затухающего костра, напряженно вслушиваясь в шипение волн. Конечно, не догадался подбросить хвороста.

Ган покорно принял у него из рук один из факелов – к счастью, смола горела хорошо. Другой факел Артем взял сам, перед этим распахав по карманам их скромное имущество. Он тщательно затоптал костер – не без сожаления, как будто отпуская руку друга.

Подумав, он забросал кострище песком. Следы на песке со временем исчезали – свое дело делал ветер, шедший с моря, а вот остатки костра могли привлечь чье-то внимание.

Сложно действовать разумно, не зная точно, чего хочешь больше – скрыться ото всех или быть найденным.

Артем зашагал вдоль моря, держа факел перед собой, и Ган молча пошел за ним – след в след.

– Пройдемся немного. Может, найдем что-то подходящее для ночлега... Пока еще не совсем стемнело.

Последняя фраза повисла в воздухе.

– Если что, просто разведем костер подальше от леса, – сказал Артем с деланой беспечностью. – Тут тепло... Да и все опасное наверняка в лесу.

Он вовсе не был в этом уверен. Рокошующее, бесконечное море пугало его гораздо сильнее леса. Когда-то давно он читал о существах с большими клыками, одинаково хорошо чувствующих себя и в воде, и на берегу. Назывались они моржами – Артем представил кровожадных созданий, выходящих на берег в темноте, ведомых жаждой теплой крови... Он представил, как десятки огромных темных тел трутся о камни, тяжело дыша, влажно шлепая по песку, подбираясь к спящим.

– Или, может, лучше заночевать в лесу. – На этот раз бодрости в его тоне не было. Голос стал тонким и жалким, как у маленького мальчика. Сейчас он бы многое отдал за то, чтобы рядом был прежний Ган. Вероятно, они бы срывали злость друг на друге, зато ему не пришлось бы одному отвечать за их жизни. Князь наверняка знал больше о том, как выжить в настолько безумной, невероятной ситуации.

Они шли достаточно долго. Справа лес перешел в мохнатую стену – так туго сплелись между собой ветви ползучих растений. Стена тянулась вперед сколько хватало глаз. Никогда раньше Артем не видел, чтобы лес рос так плотно. Он растерянно остановился.

– Видимо, надо вернуться назад... – От отчаяния он решил попытаться разговорить Гана еще раз. – Ты сам как думаешь, лучше спать в лесу или на берегу?

С тем же успехом он мог попросить совета у стены. Некоторое время Ган даже не смотрел на него, будто не слышал... А потом вдруг уронил свой факел под ноги, в мокрый песок. Факел зашипел и погас.

– Здорово, – пробормотал Артем. – Спасибо за помощь.

Ган сделал шаг вперед, к лиловой стене, коснулся ее рукой, и на мгновение Артем испугался, как будто растения могли броситься на князя, затянуть его в свое хищное нутро... Ведь здесь что угодно было возможно.

Ничего такого не случилось. Ган прикоснулся к стене второй рукой, отвел в сторону висящую у его лица ветку с листьями и замер. Артем поднес факел ближе...

Под лиловыми листьями обнаружился брус. Стена оказалась настоящей стеной.

– Ночлег, – сказал Ган, старательно выговаривая слово. – Ночлег.

Он произносил отдельные слова с удовольствием, как ребенок, который только учится говорить, и от этого Артему делалось жутко.

– Да-да, – пробормотал он. – Здорово. Спасибо.

Он вовсе не был уверен в том, что хочет оказаться по ту сторону стены – или идти дальше в темноте, не зная, как скоро наткнется на вход.

– Вернемся немного и заночуем, – сказал он наконец.

Ему вдруг подумалось, что люди за стеной – если там действительно есть люди, – скорее всего, обороняют свой дом от нечисти. До сих пор их с Ганом не заметили – может, не заметят и потом. Зато, если они защищают периметр так же, как это делали жители Зеленого, у стен должно быть достаточно безопасно.

– Утро вечера мудренее. – Так часто говорил дедушка Каи, и, повторив это, Артем почувствовал себя увереннее. – Переночуем здесь, – сказал он Гану.

Он как раз думал о том, получится ли убедить Гана спать по очереди – и сможет ли тот быть достаточно надежным дозорным, – когда откуда-то сверху донесся высокий пронзительный свист, похожий на птичий... Но слишком искусственный, громкий. Машинально Артем взметнул руки вверх, закрывая голову.

В зарослях наверху появился зазор, и из него почти по пояс высовывался человек с копной растрепанных каштановых волос. Он был одет в зеленое и лиловое. Снизу, в полумраке тени, которую отбрасывала стена, Артем не мог различить черт его лица – неясно было даже, стар он или молод. Единственное, что сразу бросалось в глаза, – белозубая улыбка. В руках у человека была длинная деревянная трубка, направленная вниз.

Артем медленно поднял руки вверх.

– Мы безоружны, – сказал он, сознавая, впрочем, что человек никак не может его понимать. – Пожалуйста, не стреляйте.

Улыбка человека на миг померкла – а потом засияла вновь.

– Вижу, – отозвался он, поднимая трубку. – Не хотите зайти внутрь?

Глава 4. Кая

Кае пришлось наклониться, чтобы войти в лазарет. Впрочем, лазарет – громко сказано. С самого начала у них было не много лекарств – теперь их стало и того меньше. Под руководством Шоу, разбирающейся в травах, они успели собрать кое-какие растения еще до того, как все укрыл снег. Сначала казалось, что этого хватит для того, чтобы продержаться до возвращения в город, – тогда многие надеялись, что вернуться в ближайшее время, – но потом к ним начали присоединяться снабженцы и жители Внешнего круга, и ресурсов перестало хватать на всех.

Пока они жили в многоэтажных зданиях Внешнего круга, было проще – и сохранять тепло, и обороняться. Но после очередной атаки капитана Сокол, которая не щадила ни чужих, ни своих людей и не брезговала пускать в ход то оружие, которое, по словам старожиллов, никогда не применял даже Сандр, им в очередной раз пришлось переселиться... И нынешнее при- станище Кая считала самым неудачным из всех.

В лазарете пахло травами и – Кая рефлекторно задержала дыхание – нечистым телом, золой.

Тошу разместили на печи – там, где теплее всего. На нескольких койках, расставленных рядом с печью, спали люди. Кая осторожно обогнула свесившиеся с коек ноги и руки. Подтянувшись, тихо скользнула на печь.

– К тебе можно?

– Да. – Голос Тоши звучал тихо и слабо, совсем непохожий на голос веселого друга князя, который всегда был готов посмеяться и пошутить. Должно быть, и сам Ган не узнал бы его теперь.

На печи было тесно, и Кая прилегла рядом, подперла щеку рукой. Обычно неподалеку от Тоши крутилась Саша, и поэтому Кая особенно ценила минуты, которые получалось урвать с ним наедине. До исчезновения Гана они толком не разговаривали – однако общая потеря сблизила их. И не только потеря – но об этом они не говорили. Впрочем, Кая полагала, что чувство вины, висевшее между ними, заметить было едва ли не проще, чем едкий запах трав. Ведь все началось с того, что они пришли в лабораторию за секретами Сандра. Не пойдя они туда – кто знает, как бы все сложилось.

– Как дела?

– Просто великолепно. А что, не видно? – Тоша слабо улыбнулся. Его лицо осунулось, и привычных ямочек на щеках больше не было. Кая хмыкнула:

– Отрадно слышать. Я кое-что принесла.

Она поделила пирожки Севера между участниками их посольской миссии – но несколько штук припрятала и теперь положила Тоше на грудь.

– Ну и ну. – Его глаза блеснули. Он, не церемонясь, вонзил зубы в пирожок и тихо ухнул. – Переговоры прошли успешно, значит?

– Я бы так не сказала. – Кая прижалась щекой к овчине, укрывавшей печь. Овчина была теплой, и казалось, что она лежит на спине большого и дружелюбного зверя. – Север хочет объединиться с нашими против капитана Сокол. Судя по всему, он сумел приобрести сторонников. Немало... Но недостаточно для того, чтобы с ней справиться. Почему за ним вообще кто-то пошел? – Она тихо выругалась.

– О, ты не фнаешь Февера. Он нафтающий дьявол, когда надо кофо-то ф чем-то убедить... Ган как-то дафно мне говорил, что фсему, что он знает, его Февер научил.

– Может быть, – неохотно протянула Кая. – Но что-то особой любви между ними я не заметила. Что вообще случилось?

Тоша отвел глаза и с усилием проглотил огромный кусок пирожка.

– Я ж говорил... Ган не хотел бы, чтобы я болтал об этом с тобой.

– Ган далеко.

– Но я все равно служу ему, – просто сказал Тоша.

Они помолчали. Большого болтуна и сплетника, чем Тоша, Кая не встречала, но в вопросах княжеских секретов он был необыкновенно принципиален, и через эту принципиальность ей не удалось пробиться до сих пор.

– Ты точно знаешь, что они живы? – спросил Тоша.

Это была игра, в которую они, не сговариваясь, играли с тех пор, как Ган исчез, и Кая ответила, как всегда, твердо:

– Да. Когда мы с учеными пытаемся связаться с другой стороной... С помощью Анле...

– Анле?

– Я же тебе говорила, это та темноволосая девушка, которая у Сандра в плену была... Так вот, я слышу и вижу что-то странное. Павел считает, что это, возможно, как раз потому, что там сейчас Ган и Артем.

– Думаешь, они там вместе?

– Да. – На сей раз ее голос звучал менее уверенно. – Ведь они вместе вошли в прореху, так? Значит, должны были выйти рядом.

Еще одним правилом их с Тошей игры было никогда не упоминать вслух, что Сандр и Тень тоже ушли туда.

– И я ведь пытался... Ну, войти в контакт. Или как они это называют? Когда ученые и эта, черноволосая... Анле, да? Когда они ко мне приходили, помнишь? Но ничего не вышло. Почему так?

Кая пожала плечами:

– Я правда не знаю. Даже Павел не знает. Они как раз и пытаются понять, как это все работает. Думают, он держал Анле в подвале, потому что с ее помощью мог узнавать, что делается на той стороне... Или пытался узнать. А значит, и мы можем попытаться.

Тоша вздохнул и осторожно откинул голову на овчину. Кая посмотрела в закопченный потолок: по старому дереву змеились темные узоры, казавшиеся таинственными письменами на чужом языке. Почти красиво – если ты не вынужден смотреть на этот потолок целыми днями.

– Я принесла тебе новую книгу. – Она вытащила из кармана потрепанный томик. Страницы рассыпались, поэтому держать книгу нужно было осторожно. – Это сказки... Сказки барда Бидля.

В Тошинных глазах мелькнул слабый интерес:

– Сказки? А кто такой... Бард Бигль?

Читать он не слишком любил, но Кая не оставляла попыток найти что-то ему по вкусу. Ее ужасало, что Тоша прикован к одному месту и ему совсем нечем занять свой ум. Окажись Кая на его месте, она, наверное, держалась бы хуже.

– Не знаю. Видимо, какой-то сказочник из прежних времен.

– Ну ладно. – Книга скрылась под тем, что заменяло Тоше подушку. – Попробую. Спасибо. – Он нахмурился. – Что думаешь про Севера?

– Не знаю. Он говорит, если я смогу убедить наших, он все сделает, чтобы Ган смог вернуться. – Даже Тоше она не хотела говорить о том, что еще предложил ей Север. – Думаешь, ему можно верить?

– Да. – Тоша ответил мгновенно, без колебаний. – В этом – да. Он абсолютно безумный. И хочет отомстить. Для людей вроде Севера это что-то вроде смысла жизни.

Кая вздохнула:

– Не уверена, что вытаскивать их оттуда, чтобы Север тут же попытался убить Гана, такая уж хорошая идея.

– Если их вообще можно вытащить, – хмуро пробормотал Тоша, отворачиваясь. – Ведь через прорехи вроде и так проваливаются *сюда*. Почему они до сих пор этого не сделали? Думаешь, им могло до сих пор ни одной прорехи не попасться, так, что ли?

– Ну, вообще-то да, – честно призналась Кая. – Прорехи открываются случайным образом. И очень быстро закрываются. Возможно, на той стороне нет ничего электрического... Тогда они не могут открыть прореху сами. Если ученые снова откроют сквозную прореху, мы сможем...

– И если они окажутся рядом, и если без Сандра прореху вообще получится открыть, и если мы придумаем, как им знак подать, или если... – проворчал Тоша. – Если, если, если! Вот и все, что у нас есть.

– Да, – согласилась Кая, снова опираясь на руку. – Это все, что у нас есть.

Они еще немного помолчали, а потом Тоша заговорил спокойнее:

– Север – опасный человек. Он никому никогда не доверял. А тому, кто никому не доверяет, и самому веры нет.

– Значит, он не захочет...

– Ничего это не значит, – тоскливо протянул Тоша. – Только то, что, если Стерх решит с ним задружиться, пусть держит ухо востро.

Кая промолчала. Она понимала, что Тоша прав, но с Севером на их стороне вернуться в Красный город будет куда проще. Конечно, Ган с Артемом вряд ли все это время – месяцы – сидели и тупо ждали, что прореха откроется в том же месте.

И все же Красный город притягивал Каю как никогда – а ведь еще недавно она была готова отдать что угодно, лишь бы оттуда выбраться.

Возможно, ей просто хотелось иметь хоть какую-то цель. Больше у нее ничего не было.

– Ладно, я пойду, – сказала она. – А то, кажется, скоро Саша сюда явится. Не хочу ее видеть.

– Да брось ты, – не очень натурально удивился Тоша, – почему? Уверен, она сама уже давно хочет с тобой помириться. Ну, наговорила она тогда...

– Мы не ссорились. У меня просто нет желания ее видеть.

– Она хорошая. – Тоша укоризненно покачал головой. – И она не меньше тебя надеется, что...

– Тише.

Снаружи как будто десятком лезвий провели по стеклу. Люди на своих койках заворочались, кто-то сдавленно охнул.

– Что это? – Тоша с видимым трудом приподнялся на руках. – А?

– Не знаю. – Кая чуть было не сказала «жди здесь», но, к счастью, вовремя осеклась. – Я посмотрю.

Чудовищный звук повторился снова. Сердце у нее упало. Ей хотелось верить, что так скрипели деревья на ветру или что затаили какую-то неблагозвучную песню люди, работавшие на улице. Но, когда скрежет раздался в третий раз – высокий, пронзительный, похожий на многократно усиленное эхом карканье, обманываться дальше стало невозможно.

Кая открыла дверь, на ходу вынимая из ножен меч. Лицо тут же обожгло морозом.

Она увидела лесных псов почти сразу. Не меньше двадцати. Нападение явно не было спонтанным. Их вел вожак – гораздо крупнее остальных, широкогрудый, с ярким гребнем ядовитых шипов вокруг узкой головы. Он двигался со змеиной грацией, перетекал с места на место, струился по снегу, как черный ядовитый ручей. Остальные следовали за ним на полусогнутых лапах, настороженные, собранные. Из приоткрытых пастей на снег капала зеленая слюна. Завидев Каю, двое ближайших к ней псов ошетинились гребнями. Похожие на перья кожистые перепонки завибрировали.

Вожак открыл пасть и издал гортанный вой. Лесные псы не таились от людей. Они пришли в поселение открыто, чтобы убивать – потому что никаких иных намерений у лесных псов не было. Они уже начали: в отдалении Кая увидела человека, который охранял периметр, – он неподвижно лежал в снегу.

Охранник не успел поднять тревогу. Она бы услышала.

Кая замерла, глядя в ближайшие к ней глаза – холодные, беспощадные. Она понимала: всего шаг, назад ли, вперед, – и он бросится на нее, вцепится в горло. Она с необыкновенной яркостью представила, как острые клыки смыкаются на ее горле, как она захлебывается собственной горячей и густой кровью. Как кровь окрашивает снег. И как затем псы прорываются в лазарет – туда, где лежат у печи беззащитные люди.

Она вспомнила с необыкновенной отстраненностью, как в лаборатории Красного города Артем нудно и долго – бесконечно – рассказывал о том, как под руководством кого-то из старших изучал чуткий слух псов... И завизжала – громко, как могла, так, что на миг у нее самой заложило уши. Псы, уже сделавшие первые шаги ей навстречу, ошарашенно присели, как будто готовясь к прыжку, плотно прижали к голове уши. Всего на мгновение – но этого хватило, чтобы захлопнуть дверь.

– Закрывайте! – С обратной стороны двери лязгнул засов. Они – в безопасности, внутри. Она – снаружи.

Вожак прыгнул вперед легко, как тень, и она взмахнула мечом, встречая его. Скрипучее рычание перешло в скулеж, а потом он снова зарычал. Удар пришелся по боку, не причинив ему серьезного вреда, а вот рука Каи загудела от боли. Вожак был совсем близко и смотрел ей прямо в лицо. Его зеленые глаза смеялись, и белые клыки, с которых на снег капала горячая слюна, смеялись тоже. Попытки отсрочить неизбежное его только распалили – и он глухо тьякнул. Она знала, что это значит. Охотничий сигнал. Он говорил со своей стаей – меньше чем через минуту она будет мертва.

– Огонь!

Пес дернулся и взревел. Кровь из его заливка фонтаном взметнулась в воздух. На снегу, взрытом лапами, распустились алые цветы.

– Кая! Уходи! – Это была Шоу. Следом за ней бежали люди, и они были вооружены.

Кая метнулась вниз, упала в снег за миг до того, как один из псов прыгнул на нее. Ловкий, но слишком большой, чтобы изменить направление в прыжке, пес перелетел через нее и ударился об дверь лазарета.

Мир вокруг наполнился рычанием, воем, криками и звуками выстрелов. Падая, Кая пропахала борозду в снегу и сильно ударилась подбородком – во рту стало солоно от крови. Что-то тяжелое навалилось на нее, и она закричала, почувствовав на открытой шее горячее смрадное дыхание. Задыхаясь, она изо всех сил работала ногами и руками, отпихивая от себя рычащего и извивающегося пса. До сих пор ее спасало только чудо. Одно движение могучих челюстей – и пес разорвет ей горло.

Она все еще крепко сжимала меч, но не могла даже пошевелить кистью, прижатой к земле. Где-то далеко, как будто над толщей воды, в которой она барахталась, бахнул выстрел, и пес на ней дернулся. Со сдавленным стоном Кая изо всех сил ударила рукой назад, ощутив резкую боль в запястье, и сразу вслед за тем лезвие вонзилось глубоко в плоть, и всю ее залило горячей кровью, пульсирующими толчками хлынувшей из раны... А потом пес, еще конвульсивно дергавшийся, но уже не живой, осел на нее всей тушей.

Мир вокруг все еще продолжал скрежетать, грохотать, скулить, но ее собственный сомкнулся до тесного пространства между снежно-кровою грязью и телом лесного пса. Кая извивалась, как змея, пытаясь выбраться наружу. Она задыхалась. Боль в запястье отдавала в руку, и голова кружилась от тяжелого запаха железа.

– Кая! Ты в порядке?

В щели между скрюченными лапами она увидела чьи-то сапоги и издала сдавленный хрип.

– Лежи тут!

Сапоги развернулись и скрылись из виду.

Она и рада была бы последовать мудрому совету – против стаи лесных псов у нее не было шансов. Но воздуха не хватало, окровавленный снег попал ей в рот, и Кая снова усиленно заработала руками и ногами, освобождаясь из-под тела, которое наконец перестало дергаться.

Ей казалось, что она корчилась под ним не меньше минуты, но и этого хватило, чтобы бой у лазарета был окончен. В снегу осталось лежать четыре лесных пса и двое людей, мужчина и женщина. Женщину Кая знала – она хорошо шила и как-то помогла Кае починить куртку.

Уцелевшие псы бежали, и защитники поселения последовали за ними. Звуки выстрелов и крики все еще звучали в отдалении.

Но Кая знала: расслабляться рано. Она переложила меч в левую руку – и увидела его. Он был меньше остальных, наверное, совсем щенок, достаточно глупый, чтобы не последовать за стаей, но оттого не менее опасный. Заметив Каю, он раздул свой капюшон-воротник, махнул хвостом, как будто звал ее поиграть, и ринулся к ней. Его слегка заносило в бок – то ли в походке оставалось что-то щенячье, то ли недавно он был ранен и не выздоровел до конца.

Этот лесной пес был ей по пояс – и Кая точно справилась бы с ним, держи она меч в правой руке. Время замедлилось – растянулось так сильно, что она как будто могла разглядеть его течение. И над лохматой мордой пса она вдруг увидела Сашу – сосредоточенную, нахмуренную... с пистолетом в руках.

Наверное, она шла проведать Тошу – и поэтому оказалась здесь. И, наверное, сегодня было ее дежурство – и поэтому у нее в руках оказался пистолет, которым – Кая это знала по общим тренировкам на стрельбище – Саша владела неплохо.

Лесной пес Сашу не видел. Зеленый взгляд был устремлен на Каю – только на Каю – и щенок пер напролом, как кабан, не видя ничего, кроме своей цели. Действительно глупый – но это сейчас не поможет.

Кая попыталась перехватить меч правой рукой, но пальцы свело от боли, и она крепче сжала оружие в левой. Она смотрела Саше прямо в лицо, и Саша смотрела в ответ. Ее черные кудри стояли дыбом, и рука с пистолетом дрожала. Кая хотела крикнуть ей «Стреляй! Чего ты ждешь?», но язык как будто прилип к небу. Смешно – даже перед лицом смерти она не могла заставить себя попросить Сашу о помощи. Кого угодно, но не ее.

Щенок ударил ее лапами – второй раз за день она как будто попала под лавину камней. Он двигался быстро, но что такое меч и что такое человек – пока не знал. Кая вывернула левую руку быстрым, расчетливым движением – оно вышло бы куда лучше, будь это другая рука, – и щенок завизжал, откатившись вбок. Снег окрасился красным и темно-зеленым... Пусти он в ход когти или зубы, а не вали ее играючи на снег, она была бы уже мертва, и все равно на мгновение Кая почувствовала острое искушение отпустить его. Может быть, он сумеет выжить, этот нелепый щенок с длинными лапами, – на нечисти все хорошо заживает. Но совсем рядом с ним лежали в неестественных изломанных позах люди, которых Кая знала, – и она взмахнула мечом.

Визг затих.

Кая тяжело развернулась. Рука висела как плеть, и с меча медленно и плавно стекала на снег темная кровь. Кае вдруг стало очень холодно, разом, как будто до этого она не замечала по-настоящему ни снега, ни ледяного ветра.

Саша смотрела на нее молча, и рука с пистолетом, устремленным вниз, больше не дрожала. А потом она вдруг криво улыбнулась – перекошенным, плотно сжатым ртом.

– Вот как? – наконец выдавила Кая, потому что не знала, что еще сказать, а молчать становилось невыносимо.

– Извини. – Саша улыбнулась снова – на этот раз широко. – Боялась тебя задеть.

Она развернулась и ушла, а Кая осталась стоять – и под ее мечом продолжала расплываться темно-багровая лужа.

Глава 5. Артем

Оказавшись за стеной, Артем слишком боялся, чтобы глазеть по сторонам, и замечал только основное. Высокая трава вдоль тропок, расходящихся полукругами от центральной дорожки, ведущей от ворот прямо. Деревья – такие старые, что нескольким людям понадобилось бы взяться за руки, чтобы обхватить ствол. К этим стволам лепились хозяйственные постройки. На их крышах густо росла трава, по стенам вились ползучие растения. Среди ползучих растений тут и там виднелись веревочные лестницы, а еще протянутые от одной ветки до другой канаты, и время от времени над головой пролетала легкая тень. Люди, что жили здесь, были ловкими, как белки, и, хотя Артем спиной чувствовал множество взглядов, направленных на него со всех сторон, ни одного человека рассмотреть не смог.

На земле сейчас никого не было, и поселок казался бы заброшенным, если бы не теплые кострища, разложенные у построек и глиняных печей инструменты, ткани, растянутые на столах, над которыми явно еще недавно трудились вышивальщицы, брошенные детьми игрушки. Артем успел заметить, что искусно сделанные из дерева и глины фигурки изображали не только людей – среди них была гарпия, лесные псы, русалка с отломанной рукой.

Человек, впусивший их с Ганом внутрь, стоял рядом с одним из столов и внимательно разглядывал их. Выглядел он расслабленным, но Артем заметил, что одна его рука лежит на рукояти необыкновенно широкого ножа в деревянных ножнах у пояса, а другая поглаживает трубку, которую он увидел раньше, – судя по всему, неизвестное стрелковое оружие. Человеку было лет тридцать на вид, он был загорелый, босой и бородатый. Его темные кудрявые волосы напоминали выющиеся растения, а глаза оказались ярко-зелеными и были похожи на просветы озерной воды, выглядывающей из ряски веснушек, рассыпанных по щекам.

Он молчал – и улыбался, но улыбка пропала с его лица, когда он перевел взгляд с Артема на Гана. Артем очень надеялся, что растерянность не отражается на его лице в полной мере. Еще недавно он надеялся на встречу с людьми, но теперь только от него самого зависело, чем для них с Ганом окончится эта встреча...

– Здравствуй, брат, – наконец заговорил человек с трубкой.

Его голос был низким и звучал как-то непривычно, странно – как один из звуков природы вроде грохота камнепада или шума волн...

– Здравствуй, – осторожно ответил Артем.

Привычку обращаться к старшим на «вы» он поборол – кто знает, бытовало ли здесь вообще такое обращение?

– Трава под ногами привела тебя сюда, – продолжал человек, – и благодарение Аждая, что случилось так, потому что здесь ты среди друзей, а за стенами темно.

Он сделал многозначительную паузу, и Артем понял: ход за ним.

– Да, – сказал он, – и вправду, благодарение Аждая. Мы заблудились и уже готовились заночевать под открытым небом.

Человек всплеснул руками:

– На границе между лесом и морем? Воистину безумная идея. По ночам на берег выходят скротты, и у нас с ними мир, но даже мы не решаемся ночевать к ним близко. В ночи каждый становится тем, кто он есть, и дневные законы не действуют. Ты, должно быть, участвовал в битве с поскоюэями? Южные поселения или восточные? Но я не представился. Меня зовут Вестле. Сейчас я – старший брат в Артженью. И делаю все, чтобы чтить наши законы настолько, насколько возможно в эти непростые времена.

– Значит, мы в полной безопасности, брат, – отозвался Артем, от души надеясь, что так оно и есть. До сих пор ему не доводилось говорить с незнакомцами, не чувствуя ничьей поддержки, – он и не ожидал, что сумеет так гладко и быстро врать. – Мы действительно были

там, где битва. Но ни из южных, ни из восточных... Мы жили очень обособленно до того, как все началось.

Внутри у него похолодело. Он растерялся и пошел по самой рискованной дорожке вместо того, чтобы рассказать все как есть или притвориться, например, лишившимся памяти. Теперь любой вопрос, даже самый невинный, грозил ему разоблачением, и с этим ничего нельзя было сделать.

Но, к счастью, Вестле кивнул. В уголках его глаз таилось напряжение, однако Артем понял – каким-то внутренним чутьем, не иначе: что-то беспокоит его сейчас куда больше того, откуда, собственно, пришли незваные гости.

Проследив за его взглядом, Артем увидел, что Ган рассматривает домики в ветвях деревьев, задрав голову, и совсем не слушает их разговор.

– Мы примем тебя с радостью, – сказал Вестле. – Но этот человек... он не из наших. Кто он?

– Он – мой брат, – ответил Артем не раздумывая, пока его внутренний голос вопил от ужаса. – Это из-за него мы жили обособленно. Честно говоря... он скорбен умом.

Книжное выражение всплыло в голове очень кстати, потому что Вестле слегка расслабился. В его взгляде было уже меньше недоверия, и Артем понятия не имел почему – он действовал наугад.

– Это все объясняет. Я так и подумал, когда вас увидел... – Вестле выглядел смущенным, и Артем в панике размышлял, что ему делать и что говорить. – Значит, вы уходили подальше от битвы, так?

Артем кивнул.

– Я обещал родителям защищать брата... Хоть я и младший.

Вестле вдруг улыбнулся:

– И это похвально. Конечно, в иных общинах старые законы чтут строго... И вы правильно делали, что держались от таких общин подальше. Но вам повезло. Здесь старший брат – я, а я высоко ценю кровные узы. Аждая слишком давно покинул свои земли и своих детей, а значит, мы должны брать все в свои руки. Думаю, он бы простил. Вы можете остаться.

– Спасибо, – выдохнул Артем, хотя расслабляться было рано.

– Как вас зовут?

К этому вопросу Артем не был готов.

– Ган... Моего брата зовут Ган. А я – Арте.

Вестле кивнул, и Артем едва сумел сдержать вздох облегчения.

– Что ж, – Вестле больше не улыбался, но в его голосе не было ни угрозы, ни подозрительности, – мне жаль твоего брата, но я уважаю твое решение не приводить его к иным дверям. Конечно, там, возможно, могли бы помочь ему, но ваши родители, я думаю, отдали себя Аждая?

Артем кивнул:

– Да, но их давно нет в живых. Они умерли... от болезни. Долго кашляли, потом начали задыхаться... – Он описывал симптомы неведомой болезни, лихорадочно размышляя. Иные. Аждая. Отдали себя.

Вестле сочувственно кивал:

– Будь Он здесь... – Артем почувствовал, что если бы Вестле писал это «Он» на бумаге, то непременно с большой буквы. – Возможно, Он оценил бы их поступок как верный. – Теперь в голосе Вестле зазвучало сомнение, как будто он надеялся, что Артем его переубедит. – Конечно, многие и в наши непростые времена не сомневаются в необходимости жертвы...

Он смотрел на Артема, как будто забыл свою роль и ждал подсказки, и Артем рискнул:

– Но не все.

– Да, не все, – подхватил Вестле с готовностью. – Не все. Многие на вашем месте пришли к иному, чтобы избавиться себя от непростого выбора... Однако вы остались верны. Пусть эта верность и повлекла за собой отступничество... Не мне судить этот выбор. Не в наше непростое время. Но прежде... Дайна!

Тень по-беличьи легко скользнула вниз по одному из ближайших стволов, и всего через несколько мгновений перед ними стояла девушка. Юная с виду – Артем предположил бы, что ей не больше двадцати, – но с совершенно белыми пушистыми волосами, очень худая, коротко стриженная, с белоснежными зубами и загорелым лицом. Она была одета в светло-желтую длинную рубаху и такие же широкие штаны, расшитые по краям узорами. На ее груди были длинные бусы из сушеных плодов, разноцветных камешков и ракушек, в ушах – серьги из пятнистых перьев. В левой ноздре посверкивал красный камушек. Как и Вестле, она была босая.

– Дайна – наша видящая, – сказал Вестле каким-то извиняющимся тоном. – И я хочу, чтобы она взглянула на вас. Дайна?

Девушка уставилась на них янтарными, как у хищного зверя, немигающими глазами, и Артему стало не по себе. Что бы ни значило слово «видящая», теперь эти люди точно узнают о них всю правду.

Янтарные глаза расширились, зрачки резко расплылись, заполнив радужку почти целиком. Губы девушки слегка приоткрылись, и она облизала их. Ее пальцы чуть подрагивали, брови нахмурились... А потом она моргнула и равнодушно отвела взгляд.

– Ничего. Они говорят правду, старший брат.

Артем судорожно вздохнул и понадеялся, что этого никто не заметил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.